

Эффект Нереальности
тайное рядом

Наталя Татарин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Татарин

Эффект нереальности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56269245

SelfPub; 2022

Аннотация

Часть первая. Домовой – какой он? Маленький, бородатый старичок – ответит большинство. Так думала и Женя Велесовская, 16-летняя школьница, переехавшая с родителями в дом, доставшийся им по наследству. Позже выяснилось, что по наследству достался не только дом, но и хранитель этого дома – домовой. Череда таинственных событий привела Женю к знакомству с хранителем, который оказался совсем не старичком и не маленького роста...

Часть вторая. В гости к Велесовским приезжают родственники. Перед их приездом Женя находит старую янтарную брошь. Девушка не придает значения своей находке, но украшение оказывается с неприятным сюрпризом. Вокруг Жени начинают твориться странные, пугающие вещи. Только Дивен может спасти ее от неминуемой гибели, но справится одному с абсолютным злом ему не под силу и тогда помощь приходит с неожиданной стороны. Но цена этой помощи для Жени и самого Дивена оказалась высока...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
1. Переезд	4
2. Кто здесь?	14
3. Полет	22
4. Битва	28
5. Море желаний	36
6. Знакомство	42
7. Кто ты?	54
8. Демоны	62
9. Освящение	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Татарин

Эффект нереальности

ЧАСТЬ 1

1. Переезд

За окном шел мелкий, холодный, колючий дождь. Время для переезда было выбрано явно не самое лучшее. Но мама была непреклонна. Все вещи были упакованы. Тщательно замотаны скотчем чемоданы, посуда переложена старыми газетами и даже кот сидел в переноске.

– Женя, ты учебники все собрала? Скоро подъедет дядя Гена. Он же на работе. Нельзя задерживать человека, – суежила мама.

Я, как китайский болванчик, кивала головой в ответ. Бесконечные «да, мама», «уже собрала, мама» и тому подобное надело до чертиков, и я предпочла просто кивать.

Правду говорят, что переезд подобен пожару. Куча вещей теряется бесследно. Причем вроде все знают, куда и что положили. Мы переезжали в дом, который остался нам по наследству от маминой тетки Нюры. Или как ее называла мама – Нюшенька.

Нюшенька прожила девяносто семь лет и умерла, находясь в состоянии ребенка.

– Аллочка, я скоро умру, вы сюда переедете, розы альпийские не забывай поливать в растущую луну серебряным отваром, – наказывала тетка маме, в саду которой кроме желтых нарциссов и тюльпанов никогда ничего не росло. Мама, конечно же, обещала поливать мифические розы, и тетка благополучно отошла в мир иной с осознанием, что за розами будет хороший уход.

Дом тетка, у которой не было никогда детей, завещала маме. Маму она любила, как родную дочь и двухэтажный небольшой домик отписала ей, не колеблясь. Я, конечно, знала, что маме завещан дом, но что она захочет жить в нем – это стало для меня полной неожиданностью. Дом стоял на другом конце города. На самой окраине. В ста метрах от него протекала река и начинался сосновый бор. От нашей квартиры и до дома около часа езды на автобусе. Значит, в школу мне придется добираться или с папой на машине или общественным транспортом. Плюс в новом для меня районе нет друзей, нет даже просто знакомых. Для меня, как ребенка, который родился и прожил шестнадцать лет своей жизни в хрущевке, в окружении кучи соседей, дом Нюшеньки на окраине города становился настоящим испытанием. У тетки Нюры я была всего пару раз, когда мама просила помочь ей вымыть тетю. Но это было год назад. Дом я не рассматривала; поскорее помогла маме и уехала на первом же автобусе

домой. И вот сейчас, ожидая машину для переезда, я отчетливо понимала, что не хочу никуда уезжать. Но спорить было бесполезно. В доме был закончен ремонт, стояли две новые теплицы, родители влезли в кредит и купили баню. И мое нежелание ехать встречали с недоумением.

– Женька, да ты что! – Удивлялся отец, – своя комната, а не эта каморка, где кошке с тобой тесно. Сад, грибы, ягоды, баня. Может, и розы теткины отыщем, – добавил он и захотел. Про розы они теперь частенько вспоминали с мамой, когда не могли что-то найти.

– Миша, ты не в курсе, где ведро с торфом? – Кричала мама, рассаживая помидоры.

– Аллочка, душа моя, торф там же где и розы. Поищи. – Следовал ответ, и родители смеялись, так как торф был не привезен благодаря забывчивости мамы.

И вот сейчас, стоя на пороге квартиры, с котом в переноске в одной руке и чемоданом в другой, я тихо ненавидела тетку и ее завещание, которым она разрушила всю привычную для меня жизнь.

Родители конечно видели мое состояние. И предложили мне перевестись в другую школу, но я с возмущением отвергла это предложение. Хоть в этом они не стали настаивать, и я благополучно осталась в своей школе. Тем более учиться оставалось всего месяц до летних каникул.

Дом нас встретил темными окнами и распахнутой настежь

калиткой. Ветер с дождем словно проверял мою психику на прочность, разметая волосы во все стороны и залепляя глаза водой. Кот истошно орал в переноске. Мама забежала на крыльцо и кричала, чтобы я несла скорее кота, так как его нужно первым впустить в дом, но кот был категорически с мамой не согласен и громко утробно урчал, забившись в самый угол переноски. При попытке мамы его оттуда вытянуть за лапу, котяра пребольно ее укусил. Мама, раздраженная сверх меры самим переездом и связанной с ним суетой, велела мне первой зайти с котом.

– Возьми переноску и заходи в дом. Выстави ее перед собой. И будет, как будто он зашел первый, – заявила мама и пихнула меня к дверям.

Тяжелые дубовые двери (и откуда только тетка взяла такие) со страшным скрипом распахнулись передо мной. Я стояла на пороге и смотрела в черное нутро дома, откуда шел слабый поток воздуха.

– Ну, давай, заходи. – Подбодрила меня мама.

Я сделала шаг и тут кот, который до этого просто урчал, истошно взвыл. Он заметался в переноске, и я, потеряв ориентацию в темноте, выронила ее на пол. Громкий стук об пол, завывание кота, переноска открылась, и я услышала, как мой пушистик метнулся с душераздирающими воплями из дома на улицу.

– Бестолковая животино, – мрачно сказал папа, шаря по стене в поисках выключателя.

Наконец его поиски увенчались успехом, и яркий свет светодиодных ламп в навесном потолке залил коридор.

– Наконец-то, – раздраженно сказала мама, протискиваясь между мной и папой, – заносите вещи быстрее.

Родители суетливо распахивали чемоданы по сторонам, благодарили водителя, ругали кота и все на свете.

Наконец суета улеглась. Я села на дорожную сумку и с наслаждением вытянула ноги. В прихожей над дверью было небольшое окно, откуда падал свет вечерних сумерек. На улице темнело. Урчащий желудок напомнил мне, как давно был завтрак, а обед даже не начинался, благородно уступив место ужину.

– Маааам! – Крикнула я в сторону кухни (или мне показалось, что там кухня) – мааааам, ты где?

В ответ мне послышались, какие-то звуки и снова тишина. Я в недоумении снова крикнула, но ни мама, ни папа не отозвались. Звонящая тишина дома пугала меня и я истошно завопила

– Мааааааамааааа!!!

– Женька! Вот ты где, – крикнула мама там близко, что я подскочила, – а мы тебя ищем по всему дому!

Я от удивления открыла рот. Как они могли искать меня по всему дому, если я сидела все это время здесь? Да и прошло совсем немного времени. Минут двадцать.

– Уже полтора часа как мы тут, разбираем вещи. Тебя не

слышно не видно. Думаем ты в своей комнате..., – сказал папа.

В немом изумлении я смотрела на родителей. Каким образом пролетели эти полтора часа незаметно для меня? Как такое возможно.

– Ты наверно задремала, – добродушно ткнув меня в живот, улыбнулся папа. Его круглые румяные щеки розовели в сумраке прихожей. Он был доволен переездом, и его приподнятое настроение не могло ничто испортить, и я не стала спорить.

– Женька, ты ведь наверно хочешь увидеть свою комнату, – улыбаясь во весь рот, сказал папа.

Конечно, я хотела увидеть свою комнату. И, наконец, разобрать одну из своих сумок, надеть шорты, и растянуться на кровати. Этот день начал казаться мне бесконечным, и я с большим удовольствием пошла вслед за папой. После незамысловатого, но вкусного ужина, я так рада была очутиться на своей территории. Мы поднялись по высокой, с широкими ступеньками лестнице на второй этаж. Лестница была покрыта темным лаком, и на ее перилах тускло отсвечивали светильники из коридора. Массивные межкомнатные двери родители менять не стали. Огромные, тяжелые, они с трудом поддавались даже папе. Но он справедливо полагал, что не стоит разменивать такие шикарные старинные дверные полотна на современные тонкие двери. Наконец мы подошли к моей комнате. Тяжелая дверь на мое удивление с легкостью

поддалась мне. Она словно распахнулась перед нами.

– Смотри-ка, Женька. Твоя комната встречает тебя, – хочотнул отец и поставил мои чемоданы на пол, – у тебя самая лучшая комната. Здесь есть даже отдельный туалет. Мы поставили там еще раковину. Так что сможешь наводить марафет.

Папа отдернул шторы и открыл окно.

– Смотри, какой вид, лес... река, – отец со свистом вдохнул воздух, который ворвался в окно, шевеля тюль. Рыжие папины усы растопорчились от удовольствия. Его мечта о своем доме сбылась. Папа был счастлив. Он постоял у окна, с грохотом захлопнул створку и обнял меня.

– Устраивайся. Теперь это все твое, – отец театрально развел руки. Я рассмеялась. Очень уж комично выглядел в тот момент мой рыжеволосый коренастый папа. Он снова меня обнял, звучно чмокнул в щеку и вышел, аккуратно притворив дверь.

В комнате еще было достаточно светло, но на улице уже властвовали майские сумерки. Я включила настольную лампу. В комнате было уютно. Большая кровать была усыпана подушками. Любовь к ним в маме неистребима. Поместился и стол, где можно сидеть с ноутбуком и делать уроки, и небольшой комод. А еще у окна стоял старинный шифоньер.

Он как-то странно смотрелся на фоне современной мебели. Огромный, трехстворчатый шкаф темно-коричневого цвета. Он стоял возле окна, но не вплотную, а на расстоя-

нии где-то пятидесяти сантиметров. Между ним и окном на стене висела крошечная картина. Я подошла к шкафу, чтобы рассмотреть детально, но увидела самый обычный отрывной календарь. На листке значилось третье мая. Как интересно. Ведь сегодня именно третье мая. Люблю весну, а особенно май. Конец учебного года, майские жуки летают (да-да, я большой любитель их половить, хотя мама говорит, что я уже слишком взрослая бегать с метелкой по улице в погоне за этими насекомыми), березовый сок, первые одуванчики. Все-таки папа большой оригинал. Повесил отрывной календарь в такое неудобное место.

Остаток вечера я посвятила разбору вещей. Многие вещи удалось сложить в комод. Но я была бы не девочка, если бы все мои наряды благополучно вошли только туда. Вот тогда мой взор обратился к гиганту шифоньеру. Что это шкаф остался от Нюшенки – не оставалось сомнений. Вряд ли мама купила бы такую громоздкую мебель сама. Я уже подошла к нему с охапкой платьев, как откуда-то раздалось мяуканье. Мой кот пришел после переезда в себя и требовал войти в мою комнату. Я бросила вещи на кровать и открыла дверь. Кот неслышными шагами вошел в спальню и громко урча, начал крутиться вокруг меня. Я потрепала его за ухом, прижала к себе и посадила на кровать.

– Посиди здесь, сейчас я закончу, и ляжем спать, – сказала я Коту, и, подхватив плечики с платьями, подошла к шкафу. Я распахнула старинные створки шифоньера, и на-

чала развешивать наряды, когда почувствовала, как Кот пушистой шерстью трется о мои ноги. Мне стало щекотно, и я расхохоталась.

– Кот, прекрати, прекрати мне щекотно, – отскочила я и увидела Кота, сидящего на кровати. Его шерсть встала на загривке, зрачки расширились, его хвост нервно бил по покрывалу. Он утробно заурчал. Я громко завизжала и запрыгнула на кровать. Где-то внизу послышался топот. Через секунду дверь распахнулась, и в комнату ворвался папа.

Несколько минут спустя мы уже сидели внизу в кухне. Я пила теплое молоко, и пыталась доказать родителям что в комнате кто-то был. Ведь Кот тоже видел. Но в данный момент кошак спокойно спал в кресле и даже не пытался подтвердить мои слова. А мог бы поурчать для вида.

– Милая, у твоего кота стресс. Кстати, давай его хоть Васькой будем звать, а то животина бедная без имени, – крикнул папа.

– Его зовут Кот. Ему нравится, – мрачно ответила я, – папа, ты мне не веришь да? Там кто-то был.

Мама подлила мне молока.

– Хочешь, я с тобой сегодня лягу, – участливо спросила мама, – на новом месте тебе просто непривычно, может даже страшно. Папа не докрыл окно, ветерок пощекотал тебя, – все это мама говорила лаковым голосом, глядя меня по голове. Так обычно разговаривают с умственно отсталыми.

– Мам, мне шестнадцать. Не надо со мной спать, – еще

больше помрачнев, ответила я, – все нормально. Мы с Котом не пропадем.

– Если что – кричи! – Воинственно заявил папа, выпятив грудь, – Ори как резаная. Я спасу.

Это прозвучало так пафосно, а вид у папы был такой смешной, что я невольно рассмеялась. Ну, может мне и показалось. Вполне. С кем не бывает. Я взяла сонного Кота подмышку и пожелала родителям спокойной ночи. Они торжественно проводили меня до комнаты, мама поцеловала меня, папа потрепал по волосам. Кот уютно устроился в ногах.

– Если что, ори, – подмигнул папа с порога, а мама перекрестила меня. Дверь закрылась. Мы с Котом остались одни.

Я честно закрыла глаза, укрылась почти с головой и попыталась уснуть. Через пару минут я приоткрыла один глаз и посмотрела. Через окно падал свет с улицы, где-то залаяла собака, черной громадой высился шифоньер. На столе заряжался телефон. Ничего необычного, тишина. Я почувствовала, как расслабляюсь. Мои веки стали тяжелыми, и я медленно провалилась в сон.

2. Кто здесь?

Последующие несколько дней прошли без происшествий. Я окончательно привыкла к своей комнате, к новому виду за окном, и, как сказал папа «обжилаась». Вернее обжились мы все. Даже Кот. Утром седьмого мая мне позвонила моя подруга Ритка. Ритка была, как говорила мама, из категории «горшочных» друзей. Мы познакомились в яслях, сидя на соседних горшках. Потом пошли в один класс. И вот уже целых четырнадцать лет мы вместе. Для меня в мои шестнадцать это была почти целая жизнь.

– Женюха, как хочешь, но я сегодня собираюсь прийти к тебе в гости. С мороженым, кучей мороженого, – заговорщицким тоном сказала моя подруга, шумно дыша в трубку. Судя по тому, как пыхла Ритка, она была на пробежке. Маргарита являла собой ту породу людей, которые вечно худеют и вечно хотят много и вкусно поесть. Но если кому-то очень повезло с метаболизмом, и съеденное сторало как в топке мартена, то с Риткой этот номер не проходил. Рита была обладательницей приятных округлых форм, мягкого овала лица, без модных острых скул и впалых щек. Круглые щечки Маргариты прекрасно гармонировали с ее округлой полноватой фигуркой, но самой хозяйке доставляли массу страданий. Рита с попеременным успехом сидела на различных диетах, питалась одной гречкой, пила литрами кефир с

толченой петрушкой, до потери пульса тренировалась в зале, чтобы в один прекрасный момент, заливаясь горячими слезами, наворачивать булку с творогом, макароны с сыром, и на десерт рожок мороженого. В этом была вся Рита. Хорошистка в учебе, хохотушка, и моя лучшая подруга. И вот сейчас я слышала страдальческое пыхтение, Ритка бежала никак не меньше пяти километров, чтобы вознаградить себя мороженым. Человек парадокс.

Я встретила Ритку на автобусной остановке. Моя дорогая подруга уже шла с подтаявшим крем-брюле в одной руке, в другой она несла сумку, где лежали еще парочка пломбиров.

– Гуляй, рванина, – хохотнула Ритка, демонстрируя сумку. Это была не просто сумка. Это была мини-сумка холодильник. И в ней удобно устроились два пломбира и торт-мороженое.

– Торт тете Алле, не могу же я прийти с пустыми руками, – торопливо объяснила она, увидев мой изумленный взгляд. Мы не спеша дошли до нашего дома.

– Ого, – воскликнула Рита, – вот это дооооом, – восхищению подруги не было предела. Дом и на самом деле был очень красивым, колоритным, построенным в немецком стиле, коттеджем.

Мы зашли в дом, я положила торт в морозилку, и повела подругу в свою комнату, попутно устроив ей экскурсию по нашему новому жилищу. Ритка, эмоциональное и открытое существо, громко выражала свои восторги. Широкая лаки-

рованная лестница на второй этаж произвела на нее неизгладимое впечатление. Она провела по перилам рукой, и присвистнула.

– А потолок-то какой! – Риткин возглас остановил меня у дверей комнаты. Она стояла посреди коридора и смотрела вверх. Я взглянула вслед за ней на потолок и обомлела. Там было не натяжное полотно, как во всех комнатах нашего дома, а лепнина. Ангелы трубили в трубы по углам, вился виноградник, посередине сражались силы тьмы и света. Ритка удивленно посмотрела на меня.

– Дизайнерская задумка очень ...э-э-э...оригинальна. Это тетя Алла придумала?

Я снова посмотрела на потолок.

– Это осталось от тетушки. Родители просто наверно не успели переделать. Или не решились убрать такую...красоту, – неуверенно ответила я, рассматривая потолок. Мы прожили почти неделю, а я и не заметила этого убранства над головой. Надо вечером поговорить с мамой. Неужели ей это нравится?

Наконец мы дошли до моей комнаты. Ритка со смехом прокомментировала двери, сказав, что я вполне могу устроить вечеринку, и за такой дверью никто ничего не услышит.

– Комнатка нормальная. Места, правда, впрытк, ...а это что за гробина? – Ее глаза округлились при виде моего шифоньера.

– Это раритет, – расхохоталась я.

– Да тут, куда ни глянь, везде раритет, – рассмеялась в ответ Ритка и выглянула в окно. И тут она увидела огромные старые парные качели в саду. Глаза подружки засверкали.

– Пойдем, пойдем на качели, бери мороженку и почапай, – торопливо сказала Ритка, хватая меня за руку. Мы сбежали вниз, взяли мороженое и пошли в сад, где распускались тюльпаны и сотни нарциссов. Родители были еще на работе, дома находиться было не так интересно, как на улице, и мы с удовольствием выбежали на воздух.

Ритка плюхнулась на качели и с силой оттолкнулась. Длинные блондинистые волосы то отлетали назад, то закрывали лицо Ритке. Подруга, зацепившись локтями за поручни качелей, умудрялась есть мороженое и громко смеяться. Наконец ее качели притормозили. Ритка слезла с них, чтобы взять пломбир.

– Жень, в июне выпускной. Ты уже знаешь, в чем пойдешь..., – Ритка слишком внимательно рассматривала мороженое, – и с кем пойдешь?

Я медленно раскачивалась, наслаждаясь мороженым. Девятый класс, выпускной...

– Я посмотрела чудесное платье. Красивое. Надо маме показать, – ответила я. Но я-то знала, что не платье интересует Ритку. Ей не терпелось о чем-то мне рассказать.

– Меня Денис пригласил идти на бал выпускников вместе, – тихо сказала Ритка, заливаясь огненным румянцем.

– Да ты что?– Я вытаращила глаза. Денис был мечтой Рит-

ки с пятого класса. Одиннадцатиклассник, гордость школы, спортсмен, отличник... , лучше наверно и не бывает.

– Ритка, солнце, я рада за тебя, – я бросилась обнимать подругу.

– Я самая счастливая, – взвизгнула Ритка, и, зацепившись за поручни качелей, она откинула голову назад так, что волосы спадали почти до земли. Ритка качнулась пару раз и вдруг перестала смеяться. Ее взгляд был направлен вверх, на второй этаж, где располагалось окно моей комнаты.

– Ты же говорила дома никого нет, – сказал она, продолжая смотреть наверх.

– Никого. Родители на работе, – ответила я, и тоже подняла глаза к окну.

– Там кто-то был, – сказал Рита, – Женя, там кто-то стоял и наблюдал за нами.

– Да ну, ты что, – нервно рассмеялась я, – это Кот. Сидел наверно на подоконнике, вот и тюль зашевелился, или ветер, дом старый...

Но по взгляду подруги я поняла, что в эти версии она не верит.

– Женька, я вспомнила, мне же еще надо в одно место успеть, – Ритка соскочила с качелей, подобрала сумку и торопливо поцеловала меня, – созвонимся вечером. Я тебе все про Дениса расскажу. Что и как. Или приедешь сама ко мне... провожать меня не надо, я очень спешу.

Я попыталась успокоить подругу, что ей показалось, и в доме никого нет, только Кот. Но Ритка нервно засмеялась,

ответив, что она ни грамма не боится, и у нее на самом деле куча дел, про которые она вдруг забыла. В расстроенных чувствах я наблюдала, как подруга почти вприпрыжку бежит в сторону остановки. Встреча была безвозвратно испорчена.

Отойдя от калитки, я повернулась к дому. Красивый, обшитый белым сайдингом, двухэтажный дом внимательно смотрел на меня. Казалось, все окна рассматривают мою персону. Я кожей, каждый волоском, почувствовала этот взгляд. И поняла, что не зайду туда, пока не приедут родители. Я осознала, что страшно боюсь, и пугало меня неведомое нечто, находящееся в доме.

Прошло почти два часа, прежде чем опустились сиреневые сумерки и на улице заметно похолодало. За это время я успела порыхлить нарциссы, полить тюльпаны, поставить держатели к ягодным кустам. Все это я делала не из-за большого трудолюбия – эту работу надо было сделать еще пару дней назад, а просто потому, что зайти в дом мне было страшно. Но вскоре холод и мой желудок напомнили мне, что в доме гораздо лучше, чем на улице. Я позвонила маме, которая ответила, что приедет домой через час. И просила меня нарезать к ее приходу салат. Я с тоской положила трубку и снова посмотрела на дом. В сумерках он казался больше и еще зловещее. Я села на лавочку перед верандой и посмотрела на дверь. За дверью раздалось душераздирающее мяуканье. Голосил мой любимый Кот. Боже, он сидит весь день дома, один и голодный. Кот снова отчаянно завопил.

Глубоко вдохнув, я шагнула к дверям.

– Клянусь, больше никогда не буду читать Кинга, – проворчала я, рванув на себя дверь. От страха мои глаза непроизвольно зажмурились, я невольно задержала дыхание, и застыла на одном месте, ожидая, как все чудовища и монстры мира обрушатся на меня. Прошла наверно целая вечность, хотя на самом деле не прошло и минуты, как к моим ногам подбежал орущий кот. Он требовательно крутился вокруг меня. Я осторожно открыла глаза и посмотрела внутрь дома. Никаких Пенни Вайзов, жутких кошек из «Кладбища домашних животных», или утопленных дам из «Сияния» в прихожей меня не поджидали. Кот побежал к дверям, зазывая меня взглядом. Я подхватила его на руки, вошла в дом и лихорадочно нащупала выключатель. Вспыхнули точечные светильники, освещая коридор. На всякий случай я не выпускала из рук Кота, а несла его перед собой как крест по всему дому. И везде включила свет, музыку и телевизор. Дома стало уютно. И совсем не страшно. Я насыпала Коту еды, и сама буквально набросилась на свой ужин.

– Все-таки у меня слишком богатая фантазия, – сказала я Коту, убирая тарелки, – сейчас нарежу салат и будем ждать родителей. Громко играла музыка, по телевизору показывали вечерние новости. Мне начинал нравиться наш дом.

3. Полет

На следующее утро я позвонила Ритке. В конце концов, надо было донести до нее, что ходить ко мне в гости совершенно безопасно. Длинные гудки сменились автоответчиком. Я разочарованно положила трубку и спустилась вниз.

– Женечка, можно попросить тебя сходить на чердак, принести связку «Бурда моден». Журналы 70-х годов! Представляешь! – Мама чмокнула меня и ласково потрепала по щеке.

Я знала, почему мама просит сходить меня туда. Она страшно боится высоты. Все, что расположено выше метра над уровнем земли для мамы страх и ужас. Я уточнила, где именно лежит драгоценная связка, и пошла на чердак. У дома было туда два входа. Один внутренний, из кладовой. В потолке была вырезана прямоугольная дыра, к которой была подставлена лестница. Вторым выход был через улицу. Чердачное окно открывалось, и можно было выйти на крышу веранды и спуститься по лестнице, которая была намертво приколочена к стене. Я решила опробовать оба варианта. Наверх я залезла по лестнице из кладовой. На чердаке было пыльно, через огромное чердачное окно светило солнце, и в его лучах серебрились паутинки. Я громко чихнула, и двинулась к большому сундуку, в котором и были журналы. «И зачем папа сказал маме об этой находке, – раздраженно подумала я, тщательно выбирая место, куда бы поставить ногу, – сдал

в макулатуру и все. Можно подумать она будет что-то шить из этих журналов себе или вязать». Наконец сундук был найден, я взяла связку и уже хотела идти к окну, как заметила среди старых газет альбом с фотографиями. Положив подмышку журналы, я взяла еще и альбом, и пошла к выходу.

Окно открылось со страшным скрипом. Свежий воздух ворвался на чердак, всколыхнув пыль. Я неуклюже выбралась из окна и, без труда закрыв его, осторожно двинулась к краю крыши. Лестница не особо внушала доверия, но идти обратно уже было страшно, и я приняла решение спускаться. Сначала я положила к краю спуска альбом и связку журналов. Потом, повернувшись лицом к крыше, нащупала ногой первую ступеньку и аккуратно встала на нее. Облегченно выдохнув, взяла в левую руку связку, а подмышку правой руки альбом и, цепляясь на хлипкие перильца, роль которых выполняла одна единственная тонкая рейка, я двинулась вниз. Пара ступенек была преодолена вполне благополучно. И вдруг произошло это...

Я оступилась. Нога соскользнула с влажной, поросшей мхом, ступеньки. Я лихорадочно попыталась вернуться на место, но с ужасом поняла что падаю. Падаю назад себя. Еще мгновение и я упаду с трехметровой высоты на спину, сломаю позвоночник и остаток дней проведу прикованной к кровати, если не умру от болевого шока здесь же, на лужайке. Все это пролетело в моей голове за доли секунды.... И вдруг какая-то неведомая сила буквально впечатала меня в

лестницу. Я почувствовала, как огромная рука с невероятной силой придавила меня к деревянному спуску. Я медленно начала опускаться, с огромным трудом нащупывая каждую последующую ступеньку. Рука продолжала меня держать с такой силой, что мне начало казаться, еще мгновение, и я сольюсь с лестницей в одно целое. «Только не отпусти меня», – мысленно взмолилась я, когда почувствовала, что давление ослабевает. И тут же меня снова припечатало к лестнице так, что стало трудно дышать. Последняя ступенька и я на земле. На траву упали альбом и журналы. Совершенно обессилев, я плюхнулась рядом.

– Спасибо тебе, – тихо сказала я, глядя на лестницу, – спасибо. Теплый ветерок взъерошил мне волосы в ответ. Я улыбнулась. С этого момента я поняла, что в доме кто-то есть. И я хочу увидеть этого кого-то.

Я все еще сидела на траве, когда мама вышла из-за дома с лейкой. Она поливала цветы и вдруг увидела меня, сидящую у лестницы. Ей хватило секунды, чтоб по разбросанным фотографиям из альбома и журналам понять – явно что-то случилось.

– Женечка, Боже мой, ты упала, – мама бросила ко мне и начала лихорадочно меня осматривать, – ты сломала что-то, ты понимаешь, где ты? – Бормотала мама, трогая мои ноги, руки, лицо.

– Мам, все хорошо, мам... Мама!!! – Вскрикнула я. Мама вздрогнула и виновато улыбнулась.

– Мамуль, все хорошо. Я не упала. Просто пропустила одну ступеньку. Вот и уронила все это добро, – я кивнула на журналы, – я там альбом прихватила еще. Давай посмотрим вечером, – я обняла маму, которая готова была заплакать. Я знала, что она мне не поверила и была уверена, что ее дочь свалилась как минимум с нижней трети лестницы. И сейчас она винила себя за это. Мне стало безумно жалко маму. Она сидела рядом такая маленькая, худенькая, с огромными серыми глазами. Папа называл ее Дюймовочкой. И был совершенно прав. Я порывисто обняла маму.

– Мамусик, все хорошо. Ничего не случилось, – я чмокнула ее в нос, и мы встали, – пойдём домой. Мама подхватила журналы и альбом, я взяла пустую лейку, и мы отправились в дом.

Наступил вечер. Мне позвонила Ритка. Захлебываясь от восторга, она сообщила, что Денис подарил ей все книги саги «Сумерки».

– Я сейчас читаю вторую, могу тебе дать первую часть почитать, – радостно пропела она. Ритка долго трещала о Денисе. Столько дифирамб было спето в его честь в этот вечер, что услышь ее Денис, у него развилась бы мания величия.

– Приходи ко мне, заодно книгу принесешь, – сказала я в трубку, глядя Кота. Ритка замолчала.

– Э-э-э..., а может ты ко мне? – Осторожно спросила Рита, – я ...короче я боюсь, у тебя в доме кто-то есть, – выпалила она.

– Рит, у меня есть только Кот и все. Дом старый, а у тебя богатая фантазия, – ответила я, но где-то внутри я была согласна с Риткой. После эпизода на лестнице я была совершенно уверена – в доме кто-то есть. Но вот кто?

Книгу все-таки Ритка мне принесла, но принесла в школу. Праздники давно закончились, наступили будни, и подруга торжественно вытащила из своего гламурного рюкзака увесистую книгу. Темно-синее оформление, портреты главных героев – книга производила впечатление одним внешним видом.

– Ох, Эдвард Каллен, какой же он красавчик, – простонала Ритка, протягивая мне «Сумерки»

– Почти как Денис, – съязвила я. Ритка добродушно пихнула меня в бок, и залилась краской до корней волос. Прозвенел звонок. По расписанию был урок геометрии. Но в класс вошел наш историк Альберт Ноэлевич Рубинштейн. Маленького роста, с большими залысинами, в круглых очках еврей, который обожал русскую историю. Класс радостно загудел. Альберта Ноэлевича искренне уважали и всегда с удовольствием слушали его на уроках. Он умел рассказать так, как будто все это мы увидели своими глазами или были непосредственными участниками событий. Он широко разулыбался и разрешил садиться.

Уроки пролетели незаметно. С урока истории мы вышли возбужденные, и почти всю перемену обсуждали внутреннюю политику Екатерины II. Только наш историк мог так

увлечь, что даже на перемене хотелось поспорить с оппонентом, которого мастерски выбирал тебе Рубинштейн, которого кстати за глаза звали Рубином, и доказать во что бы то ни стало свою точку зрения.

Закончился учебный день. Мы с Риткой дошли до остановки, я поклялась, что сегодня же начну читать «Сумерки» и позвоню ей обменяться впечатлениями.

Дома никого не было, если не считать Кота, который сонно потягивался на кухонном диванчике. Я съела банан и пошла к себе в комнату, прихватив рюкзак и кошака

. Кот блаженно растянулся на моей кровати. Я подложила себе под спину одну из миллиона подушек, взяла стаканчик с мороженым и погрузилась в чтение. Я прочитала наверно страниц десять, когда краем глаза увидела, как занервничал Кот. Он приподнялся, наострил уши, и уставился в одну точку. Я погладила его по спине, не отрываясь от книги. Начиналось самое захватывающее, и на Кота не хотелось отвлекаться. Я продолжала читать, когда кот под моей рукой начал дрожать мелкой дрожью, а на его загривке начала подниматься шерсть.

– Успокойся, там мыши, – прошептала я, потрепав его по голове, и перелистнула страницу. В этот момент Кот заурчал еще сильнее, и я, наконец, подняла глаза и увидела ЭТО.

4. Битва

От шифоньера по полу растекался плотный сизый туман. Он клубился, поднимался все выше, и напоминал дым, который пускают на танц – поле. Туман медленно приближался к кровати. Кот утробно заурчал, прижал уши к голове, выгнув спину и нервно бил себя хвостом по бокам. Я почувствовала, как липкий страх заползает в душу при виде странного явления. Буквально вжавшись в стену, я наблюдала, как таинственный туман движется все ближе. Кот взревел, размахивая передними лапами. Его зрачки расширились, заполнив всю радужку глаз. Туман лизнул край одеяла. Мои нервы не выдержали, я попыталась закричать, но голосовые связки парализовало страхом. Вместо крика я издала слабый писк. Ужас объял все мое существо. Я каждым волоском на коже чувствовала опасность, исходящую от тумана. Белый, как молоко, он начал обволакивать кровать, приближаясь к ногам. На поверхности тумана я увидела бурые, похожие на запекшуюся кровь, пятна. Они были влажными и исходили капельками, которые капали мне на постель со странным чавкающим звуком. От капель начали отпочковываться тонкие струйки, похожие на жирных червей. Они медленно поползли ко мне. Я вскочила, прижимаясь к стене. Леденящий душу страх сковал меня. Некуда бежать. Некого позвать на помощь. Только я, Кот и этот кошмар на яву.

– Помоги мне, – осипшим от страха голосом прошептала я, – помоги. . .

Я не имела понятия, кого прошу помочь, но знала, что есть неведомая сила, способная на это. Я верила в это. И вдруг события начали развиваться со стремительной скоростью. Туман, словно замер. Откуда-то потянуло холодом. С грохотом распахнулось окно от внезапного порыва ветра, и я поняла, что в комнате есть кто-то еще. Туман резко отступил от кровати. Посреди комнаты стоял огромный медведь.

Оскалив пасть, он встал на задние лапы и ударил по мерцающему кровавыми пятнами туману. Туман взвился вверх, превратившись в тонкий столб дыма, вихрем обвился вокруг медведя, сжимая его пасть. Страшный рев прокатился по моей спальне. Забившись в угол, я наблюдала битву между зве-

рем и кошмарным кровавым туманом. Я видела, как завыл медведь, раздираемый странной субстанцией, как полетели во все стороны куски шифоньера, как отдирая от себя дым, медведь швырнул его в сторону окна, которое разбилось на мелкие осколки, разрезая мне руки, шею, лицо. Истекая кровью, я увидела, как туман наползает на животное, тонкими белыми щ

упальцами опутывая его. Р

ев медведя перешел в утробное рычание. Медведь из последних сил рванулся из силков, которыми опутал его призрачный спрут; из его плеча хлынула кровь, но в этот момент туман вдруг начал бледнеть, его щупальца слабеть. Последний рывок и животное

оказалось свободно. Туман медленно уползал куда-то под разбитый шифоньер. Медведь, тяжело дыша, смотрел вслед уползающему туману. Его громкое дыхание эхом отдавалось в моей голове. Я, не дыша, смотрела на огромную лохматую черную спину. Вдруг он резко встал на задние лапы и развернулся ко мне. Наши глаза встретились. Сознание не выдержало, и я отключилась.

– Женя, Женечка, ты меня слышишь? – Кто-то тряс меня за плечо.

Я с трудом разлепила глаза. Страшная слабость не давала возможности даже приподнять голову. Я зажмурилась от яркого света, ударившего в лицо. Надо мной склонился папа.

– Жень, может, спустишься покушать? – Участливо спро-

сил папа.

– Все разбито да? – Спросила я, с трудом сглотнув.

– Что разбито, о чем ты? – Удивленный голос папы вернул меня в реальность.

Я приподнялась на кровати, ожидая увидеть разгромленную комнату, но к моему изумлению в спальне все было по-прежнему. Совершенно целый шифоньер стоял на своем месте, окно без единой царапинки, даже книга лежала рядом. Папа с тревогой наблюдал за мной. Он приложил широкую ладонь к моему лбу.

– Господи, да ты вся горишь, – воскликнул он, – Алла, иди сюда. Женя заболела.

Остальное я помнила с трудом. Слышала торопливые шаги мамы, ее руки, вставляющие мне подмышку градусник, как она прошептала «сорок и пять... Миша, срочно скорую». Я почувствовала, как мне сделали укол, что-то тихо говорили маме, как запахло спиртом и еще чем-то резким. Сквозь лихорадящую меня дрожь ощутила, как прижимается Кот, и начинает тихо мурчать. Всю оставшуюся ночь я провела в забытии, иногда просыпаясь, чтобы тут же заснуть. Где-то далеко за полночь я почувствовала, как меня начинает трясти. Крупная дрожь сотрясала все тело. Я поняла, что снова поднимается температура, но встать или позвать маму сил не было. Заболел левый бок – вероятно пошло побочное действие от лекарств. Было так больно и так тяжело, что от бессилия я тихо заплакала. Вдруг я почувствовала как на кро-

вать кто-то сел.

– Мама, мне больно, – прошептала я, всхлипывая.

Стало невыносимо жарко настолько, что пришлось откинуть одеяло. Прохладная рука легла мне на спину. Я ощутила, как постепенно уходит боль, как проходит дрожь. Меня окутывал сон. Рука медленно погладила по спине. Боль растворилась. Я заснула.

Меня разбудил Кот. Он самым бесцеремонным образом топтался по мне, нюхал лицо, шершавым языком пытался лизать нос. Я осторожно села в кровати. Голова слегка кружилась, но ни жара, ни боли не было. Я встала и подошла к зеркалу, ожидая увидеть царапины на лице. Но к моему удивлению и облегчению на лице не было ни единого пореза или иного повреждения.

– Неужели мне все это приснилось, – пробормотала я, посмотрев на Кота. Он с важным видом занимался утренним моционом и ничего не ответил. Грациозно задрав заднюю лапу, кошак самозабвенно чистил шерсть на животе, и совершенно был не настроен на общение. После утренних гигиенических процедур я оделась, и уже было собралась спускаться вниз, когда меня посетила мысль заглянуть под шифоньер. Но только стоило опуститься на колени, как дверь комнаты распахнулась, и вошел папа.

– Женька, что с тобой? Опять плохо? – Папа рывком поднял меня.

– Все хорошо, заколку ищу, – улыбнулась я.

Папа потрогал мой лоб, велел высунуть язык. С важным видом осмотрел горло.

– Это надо было так заболеть. Почти все выходные провалялась, – покачал головой он, – врач сказал – ОРЗ.

– Ночью температура была опять..., – сказала я.

– Милая моя, а мы так перенервничали, что спали как сурки, – расстроился папа, – у мамы натуральный срыв был. И я уснул...

Я во все глаза смотрела на папу.

– Никто разве не приходил ко мне? – Осторожно спросила я.

– Нет, – виновато сказал папа, – тебе так плохо было? Старые мы клячи, – папина рыжая шевелюра растопорщилась на голове и мелкие кудри смешно покачивались в такт папиным словам. Он был очень расстроен. Но ведь я явственно чувствовала чье-то присутствие рядом. Если это был ни один из родителей, то кто?

На следующий день мама с папой потащили меня к врачу, который подтвердил, что я абсолютно здорова и могу посещать школу. Ведь скоро ОГЭ и выпускной. Доктор посоветовал больше времени проводить на воздухе, питаться фруктами, и не нервничать. Советы эскулапа показались дурацкими. Мне шестнадцать лет, от слова «экзамены» начинает трясти, выпускной не радует, ведь я туда пойду одна, в отличие от Ритки и других девчонок в классе. Внешностью похвастаться не могу на фоне моих одноклассниц, и после ОГЭ

лето, скорее всего, проведу на грядках. Да, перспектива провести каникулы в огороде меня прельщала меньше всего.

– Тебя ждут чудесные каникулы, так что, деточка, береги здоровье, – доктор размашистым почерком подписал справку и вручил ее мне.

– Ага, чудесные, – кисло улыбнулась я. «Такие же чудесные, как диарея», – пролетела в голове мрачна мысль.

5. Море желаний

После посещения поликлиники мама предложила сходить в кафе, а потом пробежаться по магазинам. Ходить хвостом за мамой я не горела желанием и принялась лихорадочно соображать, чтобы придумать такого, дабы увильнуть от этой повинности на законных основаниях. Но на мое счастье, мама заметила мрачную физиономию и растолковала ее выражение по-своему.

– Выглядишь ты неважно. Возвращайся лучше домой, полежи. Там на кухне куриный бульон на плите. Поешь обязательно. Я постараюсь поскорее приехать домой, – мама поцеловала меня, высадила у дома и уехала по делам.

Я облегченно выдохнула, помахала маме вслед и направилась к веранде. Но у самого дома меня ждал сюрприз. Папы не было, а у меня не оказалось ключей. Я растерянно стояла у дверей и соображала, что делать дальше. Пошарив под скамейкой в надежде найти запасной ключ, разочарованно села, ничего не найдя под ней кроме жухлой травы и муравьев. В тюльпанах что-то зашуршало, и через секунду оттуда вынырнул Кот. Он с радостным мурчанием потерся о мои ноги и зазывно глядя на меня, побежал к дверям.

– Ничего не выйдет, у нас нет ключей, – сказала я Коту, ругая себя за свою забывчивость.

Я подняла глаза к своему окну и тяжело вздохнула. Сидеть

на скамейке совсем не интересно, а домой до приезда мамы или папы нам не попасть. Конечно, я могла бы позвонить маме, но отрывать ее от дел и выслушивать о своей невнимательности не хотелось. Оставалось только ждать.

– Если бы дверь открылась. Как бы было хорошо, – проворчала я, накручивая на палец травинку.

Кот заголосил у веранды и вдруг...

Он просунул лапу в щель! Дверь с тихим скрипом отворилась. Я не поверила своим глазам. Дверь была только что заперта. Лично это проверила, дергая ее. Кот ловко просочился в приоткрытую дверь и скрылся в недрах дома. Я встала со скамейки и тихонько приблизилась к крыльцу. Дверь широко распахнулась, словно приглашая войти.

– Как такое возможно? – Тихо спросив саму себя, я осторожно приблизилась к двери.

Несколько мгновений я продолжала стоять у крыльца. В голове прокручивались одно за другим объяснения насчет происходящего.

– Дверь была не закрыта, – громко сказала я, – папа забыл запереть ее. А я ем мало каши, вот и не открыла с первой попытки.

Ну конечно. После болезни ослабела, вот и не смогла сдвинуть тяжелое дверное полотно. Я облегченно выдохнула и вошла в дом.

На плите стоял чайник и кастрюля с бульоном.

– Кот, сейчас схожу переоденусь, и разогрею бульон, – ска-

зала я Коту, и громко топая, пошла наверх. Быстро, как только позволяли узкие джинсы, сняла их с себя, надела шорты и побежала вниз. Я вязала чашку, и открыла кастрюлю. Пар ароматным облачком вырвался из-под крышки. Бульон был горячим! Я впала в ступор. Мама сварила его ранним утром. Он давно успел остыть. Но сейчас, словно предупреждая мои желания, некто разогрел мне суп, и открыл дверь. Я обвела взглядом кухню. Тишину дома нарушали лишь пение птиц за окном и чавканье Кота у миски.

– А если мне захочется мороженого, оно тоже материализуется?– задумчиво посмотрев на холодильник, пробормотала я. На всякий случай, дабы проверить теорию, я подошла к холодильнику и заглянула в морозилку. Нет, там ничего не было. Лишь замороженное мясо, зелень и прочая мороженая снедь.

– Жаль, ну хотя бы конфетку, – вздохнула я, садясь за стол.

Я включила телевизор, села обедать, но меня не покидало чувство, что за мной кто-то наблюдает. С ложкой во рту я несколько раз оборачивалась то к дверям кухни, то к холодильнику. Ощущение цепкого, зоркого взгляда не оставляло ни на минуту. Краем глаза наблюдала за Котом, который периодически вздрагивал у своих мисок, поднимал морду и прислушивался. Прислушивалась и я, но в отличие от Кота ничего не слышала.

С чашкой горячего чая я поднялась в свою комнату, вклю-

чила ноутбук и уже собралась насладиться шоколадом, который лежал у меня с прошлых выходных, когда вспомнила, что не выключила телевизор.

Я быстро сбежала в кухню и резко остановилась перед столом. На столе лежал пакет с конфетами! Но всего пять минут назад его там не было. Я это точно помню. Вытащив конфету, повертела ее в руках. Птичье молоко – мои любимые вкусняшки. Наверно, это купила мама, а я просто не заметила. Взяв несколько штук, выключила телевизор и поднялась к себе.

Я заметила это сразу, как только вошла. Веточка черемухи лежала на моем письменном столе.

Я медленно села на кровать, во все глаза, рассматривая белую гроздь. Сомнений не было никаких. Кто-то впустил меня в дом, разогрел бульон, подложил конфеты, а теперь еще и цветы. Я огляделась. Что за силы здесь обитают? И почему я не боюсь?

Вечером я позвонила Ритке.

– Завтра приду в школу. Какая то инфекция. Температура зашкалила. Дошло до галлюцинаций, – мрачно сказала я, хотя где-то в глубине души не была уверена, что мне привиделось.

Ритка на другом конце провода заливисто рассмеялась. В ход пошли шуточки про грибы, траву, и дикую природу кругом. Потом пошел разговор на любимую тему. Денис Чай-

кин. Из разговоров Ритки мне начинало казаться, что я знаю Дениса лучше него самого.

– Я так влюбленааааа, – протянула Ритка, – он такой хороший. Он мой мужчина.

– Ты с ним это самое?– Осторожно спросила я.

– Нет, но очень хочу, – прошептала в трубку Ритка, – я готова к этому. И думаю все случится на выпускном.

– С ума сошла? А если забеременеешь? – Мне страшно не понравилась Риткина идея. Я села на пол у кровати и начала стирать лак на ногтях.

– Сама подумай, а вдруг он не тот человек, который... Рита, я перезвоню, – пробормотала я, торопливо отключив телефон. Под шифоньером что-то лежало. Я встала на четвереньки и попыталась разглядеть, что же именно это было. Чтобы достать странный предмет, я взяла палку селфи. Рукой лезть под недра шкафа было страшно. Нет, понятно, что крокодил там вряд ли сидел, но все-таки... после того, что мне так реалистично приснилось, пихать руки в щели я не стану. Как и кричать в темноту: «Здесь есть кто-нибудь?».

– Темно, черт побери, – пробормотала я, и включив фонарик на телефоне, просунула палку и зацепила предмет. Через несколько секунд в моих руках ...был кусок черной длинной шерсти, испачканный бурой жидкостью. Я в полном ступоре рассматривала свою находку. Перед глазами вновь встал разъярённый медведь.

– Кот, это... было на самом деле? – Внезапно пересохши-

ми губами спросила я.

Кот вытянулся на кровати и мяукнул.

Я села рядом с ним, рассматривая загадочный предмет. Может это кусок старой шубы? Я повертела в руках свою находку, понюхала. Пахло сырой шерстью. Может поискать в интернете. Ведь обычно в фильмах всю информацию находят в сети. Я подошла к ноутбуку и забила в строку поиска «оборотень»..., потом «вурдалак»..., потом «кровавый туман».

– Блин...проще сразу задать поиск «галлюцинации»..., пробормотала я. Утробное урчание Кота не сразу привлекло мое внимание.

– Кот, ты понимаешь, все сводится к тому, что у меня едет крыша, – сказала я Коту и тут увидела как моя любимая животина, выгнув спину, стоит на кровати. Его шерсть вздыбилась, уши прижаты к голове.... Я медленно повернулась к шифоньеру и увидела то, что вот уже несколько дней видел мой Кот.

6. Знакомство

У шифоньера стоял высокий мужчина. Скрестив руки на груди, он с интересом наблюдал за моим Котом. Светло-русые волосы до плеч, словно сильно выгорели на солнце, густая, короткая темно-русовая борода. Странная, похожая на кожаную, черная одежда. Она тускло мерцала в сумерках комнаты. Он перевел взгляд на меня. Наши глаза встретились. Несколько секунд он продолжал смотреть и вдруг, на его лице отразилось изумление.

– Кто ты? – Выдохнула я.

В глазах мужчины изумление сменилось смятением, когда я, совершенно не чувствуя страха, подошла к нему вплотную. Если это галлюцинация, то при ближайшем рассмотрении он исчезнет. Он оказался не просто высоким, а огромным. Моя макушка была где-то в районе его груди. Задрав голову, я посмотрела в его глаза. Огромные, опущенные длинными ресницами, они были невероятного синего цвета, но вместе с тем казалось, в них переливались, все оттенки радуги. Я с любопытством рассматривала его лицо, правильной формы нос, но больше всего меня поразили глаза. Необыкновенные. Синие. В них словно плавилось и переливалось золото. Красные и оранжевые искры полыхали в глубине этих невероятных очей. Я перевела взгляд на его шею, грудь, мощные плечи. На нем была странная, черная

как ночь, накидка с капюшоном, переливающаяся стальным цветом. Я протянула руку, чтобы убедиться в полной эфемерности моего видения. Я ожидала, что мои пальцы просто пройдут сквозь пришельца. Но моя рука наткнулась на живую плоть. Он вздрогнул.

– Не надо, мне больно... – тихий низкий голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула и резко отскочила.

Только через сотую долю секунды я осознала.

– Ты настоящий? – Страх начал заползать внутрь меня. Я попятилась к своему письменному столу.

– К-кто ты? – Осипшим голосом спросила я.

Высокий блондин оттолкнулся от шифоньера и подошел ко мне.

– Не бойся меня. Я не причиню тебе зла.

Тут в свете настольной лампы я увидела на его плече рану, которая была видна через тонкую мерцающую ткань. Я сжала от страха кулаки, и вдруг ощутила во вспотевшей ладони кусок шерсти.

– Ты нашла часть дугтуя, поэтому смогла увидеть меня, – он протянул руку и раскрыл ладонь, – отдай его мне.

Трясущейся рукой я сунула ему в раскрытую ладонь кусок шерсти.

– Спасибо, – он отошел обратно к шифоньеру, – не бойся меня, я не причиню тебе зла, – снова повторил он и шагнул в пространство между шкафом и окном. Туда, где висел отрывной маленький календарь. Листки с которого я никогда

не отрывала. Но на нем менялись даты...

Что это было? Кто он? Я плюхнулась на кровать. Откуда рана на его плече. Что за странный кусок шерсти я нашла.

– Женя, у тебя сейчас лопнет голова, – мрачно сказала я сама себе, – в твоей комнате творятся странные вещи...кто это был?

Я подскочила к шифоньеру. Заглянула под него и под кровать, протиснулась в проем между окном и шкафом. Сняла календарь.

– Пааааап, – я буквально скатилась с лестницы, – пап! Где ты взял такой календарь?

Я сунула под нос удивленному отцу отрывной календарь на белой подложке. Папа нацепил очки и внимательно рассмотрел его.

– Я не вешал тебе ничего. Может мама? – Он спустил очки на кончик носа и посмотрел на меня, – что случилось? Ты какая-то возбужденная.

– И ты не отрываешь листки с него? – Чувствуя себя последней душой, спросила я.

– Нет, конечно, – покачал головой папа, – а что не так с этим календарем? Может от Ньюшеньки осталось?

– Ничего...ничего. Все нормально, – улыбнулась я, – просто нашла его за шкафом. Думаю, может ты его повесил.

– Нет...Женечка, с тобой точно все хорошо? – Крикнул папа мне в след, так как я быстрым шагом пошла наверх

– Все нормально, папуль, – крикнула я, забежая на второй этаж. Я подняла глаза. Потолок. Лепнина. Странные фигуры... от игры света и тени казалось, они начинают двигаться, сражаться не на жизнь, а на смерть...

– Да что здесь происходит, – пробормотала я, – дернув на себя дверь в свою комнату. Я бросила календарь на стол и взяла телефон. Рассказать Ритке? Нет, еще растрезвонит кому-нибудь. Я отбросила трубку и задумчиво посмотрела на шкаф. В нем висит одежда. Никакой Нарнии там нет. Ну, а вдруг... Я подкралась к шифоньеру и резко открыла створки...

Платья, куча моих платьев висели на вешалках. Туфли, сапоги и прочие радости девчачьей жизни. Все.

– Я хочу увидеть тебя снова, – громко сказала я шифоньеру. На всякий случай я повторила просьбу в каждую полку и в проем между окном и шкафом. Но ответа не получила. Ни в это вечер. Ни в следующие. Только календарь, который висел утром на прежнем месте, дал мне понять, что я не сошла с ума, и в доме идет еще какая-то жизнь. И что это за жизнь, я решила выяснить, во что бы то ни стало.

Прошло несколько дней. Я сдавала экзамены. Нервное напряжение в доме и школе зашкаливало. Каждый вечер мы созванивались с Риткой, которая то плакала в трубку, то смеялась, то вообще была в мрачном расположении духа. Она собиралась идти в десятый класс, как впрочем, и я. Но, как и я не была уверена в успешных оценках.

– Ты дочитала «Сумерки», – устало спросила подружка. Она поссорилась с Денисом, впала в депрессию, и я слышала, как на другом конце провода она жует что-то явно не полезное. Рита заедала стресс.

– Сегодня буду читать, с этими экзаменами скоро с ума сойду, – ответила я.

– Если бы Денис был хоть немного таким, как этот Эдвард. Благородный, красивый, смелый. Денис только красивый, – подружка прерывисто вздохнула, – ненавижу его, – добавила она.

–Ничего, вы еще помиритесь, – я попыталась ее утешить, но безуспешно.

Я уже закончила разговор с Риткой, когда Кот резко подскочил. Его шерсть поднялась, он прижал уши и начал нервно стучать хвостом.

–Опять птицы, – сказала я и погладила его по напряженной спине. Кот уже несколько дней подряд охотился за птицами, которые садились на подоконник. Потом взяла книгу и уже погрузилась в чтение, когда Кот взвывая, бросился под кровать. Я выронила книжку и подняла глаза.

– Они другие, – сказал незнакомец, прислонившись к шифоньеру, – они совершенно другие. Его странный низкий голос завораживал. Мне надо испугаться или нет? Я быстро вскочила с кровати и подошла к нему.

– Кто ты? – Он был настолько высоким, что я буквально задрала голову вверх, – ты иллюзия, я разговариваю сама с

собой или ты настоящий? – Снова сказала я.

– Меня зовут Дивен. Я хранитель этого дома, – он улыбнулся. Лучше бы он этого не делал. Его глаза засверкали, лицо и без того миловидное, стало просто невероятно красивым.

– Хранитель? – Я нахмурилась.

– Люди нас зовут домовыми, – улыбнулся он снова.

– А другие кто? Ты сейчас сказал, что они другие, – совершенно сбитая с толку спросила я.

Пришелец подошел к кровати и указал на книгу.

– Вампиры. Они другие.

– Какие они? – Осторожно спросила я. Он посмотрел на меня сверху вниз, и его лицо стало серьезным.

– Лучше тебе не знать, – ответил он и шагнул к шкафу.

– Подожди, – вскрикнула я и схватила его за руку. Он резко повернулся и удивленно посмотрел на мою руку, державшую его ладонь.

– Ты на самом деле домовый? – С сомнением спросила я, – ты выглядишь совершенно не так...

– Почему? Ты знаешь, как они выглядят?

– Ну, ...маленькие, черные, с бородой.

Его глаза заискрились от едва сдерживаемого смеха.

– Ну, ты с бородой и все такое... Но ты не страшный и я должна спросить тебя к худу ты или к добру явился...

Он громко расхохотался.

– Тише! Ты хочешь, чтоб родители прибежали? – Испуга-

лась я.

– Женя, ты смешная. Я наблюдаю за тобой уже давно, и ты очень мне нравишься. Я к добру, – с трудом сдерживая смех, ответил он.

– А почему я тебя вижу? – Задала я резонный вопрос.

Веселые искорки в его невероятных синих глазах засверкали еще ярче.

– Женя, ложись спать, – он аккуратно высвободил свою руку.

– Дивен, – окликнула я его, когда он шагнул к шифоньеру. Он обернулся. Яркие глаза полыхали красными искрами. Но мне было совсем не страшно.

– Это ты спас меня от тумана? – Я нервно теребила край футболки. Он не ответил. Легкое дуновение воздуха и я была в комнате одна.

Стоит ли говорить, что я потеряла покой. Я вставала утром с мыслью о странном незнакомце, и ложилась спать с ней же. Любой скрип или скрежет в доме я принимала за него. Домовой... не может этого быть. Я перерыла весть интернет в поисках описания домового. И везде вылезали картинки одна другой страшнее. Но все источники придерживались одного мнения – домовый это хранитель. Он охраняет дом и людей, живущих в нем.

«Домовой выбирает для себя место обычно в глухом месте дома, где может свить гнездо, не опасаясь быть обнаруженным» – гласил один из сайтов.

Я с сомнением посмотрела на шифоньер. Гнездо? Свить? Этот викинг и вить гнездо? Я вас умоляю. Мне, почему то, представился Дивен в гнезде. Гнездо непременно в шифоньере, под платьями. Я расхохоталась.

«Домовой любит угощения. Необходимо ставить ему блюдечко молока и вазочку конфет» – еще нелегче. Значит к шифоньеру, где он свил гнездо, мне надо притащить блюдце с молочной продукцией. При его габаритах вряд ли блюдечко молока его насытит. И вазочкой конфет тут не отделаешься.

«Перед отходом ко сну читайте «Отче наш» и перекреститесь. Вся скверна уйдет из дома, домовой будет доволен» – еще одна ценная идея. Я закрыла браузер и посмотрела на шкаф. То, что именно туда уходит Дивен, я была уверена. Дивен... разве у домовых бывает имя? Я снова включила интернет. Славянское женское имя Дивна. Мужского такого нет. Может я ослышалась...

Перед сном я решила провести все манипуляции, о которых прочитала в сети, и которые не показались мне слишком абсурдными. Для этого мне понадобилось молоко, блюдце, конфеты и хлеб. Где-то еще было написано про шапку и валенки, но я решила ограничиться пока первым вариантом. Я тихонько спустилась на кухню, и осторожно открыла холодильник. Вскоре у меня в руках оказался пакет молока, эмалированная миска, кусок хлеба и пакет с конфетами. Я сложила добычу в миску и уже собралась идти, как в кухне зажегся свет и вошел папа. Он удивленно смотрел на меня.

– Женечка..., ты...э-э-э... проголодалась? – Брови папы полезли вверх, когда он разглядел содержимое миски. Отец выразительно посмотрел на часы, которые показывали двадцать три часа, а потом перевел взгляд на меня.

– Пап...я ночью просыпаюсь от голода. Кот тоже. Сейчас еще спать не собираюсь, ужин был давно..., – интонациями Бараша ответила я, прекрасно понимая как по-дурацки выгляжу. Но не могу же я сказать папе правду. Что это угощение для домового.

– Так покушай здесь, – папа участливо посмотрел на меня, – давай я тебе яишенку сварганю. С салцом?

– Да ты что, папа! Какая яишенка! – Воскликнула я, – мне и этого хватит, – я выразительно потрясла миской. Молоко весело забулькало в пакете. Я чмокнула папу в щеку и, прижимая к себе миску, под его сочувствующим взглядом, поскакала в свою комнату.

Итак, у меня была миска, наполненная молоком, кучка конфет, хороший кусок хлеба. Я поставила все это между шифоньером и окном. Поближе к отрывному календарю. Конфеты рассыпала рядом с миской, куда налила молока. Кот с интересом обнюхал приготовленное угощение, но молоко пить не стал, как впрочем, и хлеб есть тоже. Это даже к лучшему. Если молоко к утру пропадет, я хотя бы не буду подозревать Кота. Он с кошачьего детства, почему-то брезгует им. Я приняла душ, переоделась и легла в постель. Надо добавить, ко всему прочему у меня добавился еще один

пунктик. Я стала стесняться раздеваться в комнате. В пустой комнате. Где со мной только Кот! Но я переодевалась теперь исключительно спиной к шифоньеру или вообще под одеялом. Я погасила свет, Кот уютно угнездился у меня в ногах и я уже начала дремать, как внизу услышала грохот.

Надо ли говорить, что меня как ветром сдуло из кровати, и через пару секунд я стояла уже внизу, где встретила с родителями. Мама в ночной сорочке, папа в одних семейных трусах и всколоченной шевелюрой. Мы стояли внизу в коридоре и не могли понять, что за шум поднял нас из постелей.

– Миша, мне страшно, – прошептала мама, – что это было? Может кто-то забрался в дом?

Мы придвинулись поближе к папе, хотя я понимала, что вряд ли он сможет нас защитить от злоумышленника, если таковой был в доме. Папа же, втянув живот, расправил плечи, и смело пошел проверять кухню. Через пять минут был обследован весь первый этаж. Следом и второй. И нигде ничего не указывало на источник шума.

– Словно разбилось стекло, – пробормотал папа и озадаченно почесал затылок, – что это могло быть?

Родители так и не поняли, откуда исходил шум, а вот я начала подозревать. И под подозрение попал наш хранитель.

– Это был ты?– Спросила я у шифоньера. Молоко и конфеты лежали на прежнем месте, как и хлеб. Я открыла створки шкафа и повторила вопрос.

– Дивен, пожалуйста, мне надо поговорить, – я протисну-

лась к отрывному календарю и повторила просьбу. Для лучшего эффекта я постучала в стену и поскреблась в шифоньере по стенкам. Ответом мне было молчание. Я села на кровать и продолжала сверлить взглядом свой шкаф, но мой викинг (так я его про себя называла) так и не появился.

Последующие несколько дней я исправно проверяла молоко и конфеты. Но конфеты лежали нетронутые, а молоко благополучно скисло. Крепкий запах проквашенного молока заполнил комнату, и мне пришлось его вылить. Но я упорно решила не отступить. И вновь наполнила миску.

– Ты себе не представляешь, как я счастлива, – буквально визжала в трубку Ритка. Мы благополучно сдали русский язык, и счастьем не было предела.

– Пойдем вечером на дискотеку, – предложила подруга, весело чавкая чем-то вкусным мне в ухо, – а то надо расслабиться.

– Ты одна пойдешь? – Вяло спросила я, так как знала, что Ритка нарисуетя с Денисом, а мне как обычно придется возвращаться одной.

– С Денисом, – пробормотала Ритка, и с еще большим усердием принялась жевать. – Пойдем. Что дома сидеть.

– Не очень мне хочется, если честно, – ответила я и посмотрела в окно. За окном третий день шел противный мелкий дождь, – иди без меня. Я дома останусь.

Ритка разразилась тирадой о моем домоседстве, пригро-

зила не дружить, но, в конце концов, оставила меня в покое. Скоро выпускной. Для меня чистая формальность. И я все-рѐз думала, а стоит ли мне идти. Но родители были непреклонны. Половина ребят моего класса уходит из школы, и просто необходимо посетить данное мероприятие. Я бы наверно еще долго продолжала унывать, если бы мой взгляд не упал в проем между шкафом и окном, где были оставлены молоко и конфеты. Конфет не было! Я подскочила с кровати и бросилась к шкафу. Да, ошибки быть не могло. Конфеты исчезли! Я заглянула под шкаф. Там было тоже пусто, не считая нескольких комков пыли.

– Кот! Наш домовый съел конфеты, – ликующим тоном сообщила я своему кошаку. Но вскоре мое ликование сошло на нет. Ну, пропали конфеты и что? Я преследовала другую цель. Я хотела увидеть хранителя. Своего викинга. Интересно, а как бы помогли мне в этом конфеты? Или молоко? Или я собиралась узреть с аппетитом жующего конфеты Дивена около шкафа? Я нахмурилась. Мой план потерпел фиаско. Хотя будь честна с собой, Евгения Михайловна. Плана и не было. Но это поправимо.

7. Кто ты?

Приближался выпускной. До семнадцатого июня, когда и должен был быть самый волнительный день, к которому мы шли девять школьных лет, оставалось две недели. Мы почти закончили сдавать экзамены. Оставался всего один. Но не это меня заботило в тот момент. Уже неделю я из рук вон плохо готовилась к экзамену, мало спала и почти не ела. Под глазами пролегли синие тени. Лицо и без того худое, осунулось еще больше. И я перестала без особой надобности подходить к зеркалу. Ритка только завистливо вздыхала, глядя на меня.

– Ну почему у одних от стресса аппетит пропадает, причем у тех, кому бы надо поправиться. А у других, и без того толстых, – Ритка выразительно ущипнула себя за живот, – аппетит еще больше становится.

Она в очередной раз начала худеть, но на нервной почве не могла перестать есть. Ее постоянно жующая мина иногда раздражала меня, но я страдальчески терпела ее чавканье мне на ухо.

– Я тебя понимаю, экзамены это штреш, – с полным ртом пыталась говорить Ритка. Мы сидели в моей комнате и готовились к сдаче. Но все мои мысли витали вокруг шифоньера и моего хранителя. За последние дни я перепробовала массу методов выманить его. В ход шло молоко, конфеты,

хлеб, пицца. Я поставила к стене табурет, в надежде, что он запнется за него, если выйдет оттуда. Я дошла до того, что расставила мышеловки, надеясь, что он угодит в них. Но все безрезультатно. Он словно исчез. Исчез насовсем.

В доме несколько раз где-то что-то падало, даже билась сама по себе посуда, Кот иногда урчал и истошно маяукал. Но я начала подозревать, что мой котяра просто загулял, и на всякий случай накапала ему контрацептивных капель. В доме было настолько спокойно, что даже трусливая Ритка не побоялась прийти.

Все изменилось в один вечер.

Я в очередной раз насыпала конфет к шкафу и поскреблась в стену.

– Дивен, мне надо поговорить, – тихо сказала я

– С кем ты разговариваешь?

Громкий голос папы заставил меня подпрыгнуть на месте. Он с удивлением рассматривал табурет, мышеловки, молоко, конфеты. А еще я приволокла валенки и шапку, которые нашла в кладовой. Его глаза стали огромными и казалось еще чуть-чуть, и они выпрыгнут из орбит. Но этому процессу явно мешают папины очки.

– Женечка, что происходит? – Папин голос был каким-то странным. Он во все глаза смотрел на меня, словно видел впервые.

– Женя, ответь мне..., – папа вопросительно смотрел на меня.

Я вылезла из проема между шкафом и окном и пожалала плечами.

– Ничего не происходит, все хорошо, – я улыбнулась, но улыбка получилась кривоватая. Мой мозг работал в авральном режиме. Что бы такого нагородить папе, чтоб он точно поверил. Папа несколько мгновений рассматривал меня, потом погладил по голове.

– Все будет хорошо, моя крошка, – он чмокнул меня в лоб и вышел.

Немного позднее, когда я спустилась в кухню к ужину, в моей голове уже был готов четкий план, что сказать и как объяснить родителям свое поведение. Но к моему удивлению папа сделал вид, что ничего не произошло, а мама даже излишне ласково разговаривала со мной. Папа много шутил, хвалил приготовленный ужин. Мама тоже смеялась и в конце ужина достала из холодильника торт.

– Сегодня ровно месяц как мы живем в нашем новом доме! – торжественно сказала мама. Она погасила свет в кухне, воткнула свечку в торт и зажгла ее.

– Миша, давай речь! – мама подмигнула отцу.

Папа встал, поднял чашку с чаем.

– Аллочка, надо было хоть винишка налить, – сокрушенно сказал папа, горестно глядя на чашку.

– Миша, мы ждем речь, – терпеливо напомнила мама.

– Ах, да. Речь! – Папа широко разулыбался, – Мои дорогие девочки, с ...гхм...мы месяц тут живем...с месячиной

нас что ли? – Папа вопросительно посмотрел на нас.

Первой не выдержала мама.

– Миша..., ну ты даешь, – расхохоталась она. Следом прыснули уже и мы с отцом.

– Ну, Алла, а как тогда? Если бы прожили год, то годовщина. А мы месяц. Как сказать правильно? – Папа отрезал себе кусок торта.

– У нас прошел испытательный срок, – сказала мама, – так что с окончанием нас испытательного срока.

Ужин прошел замечательно. Мы много шутили, смеялись. И я уже собралась идти к себе, когда в дверь постучали.

– Я открою. – Я уже двинулась к дверям, когда папа меня буквально перехватил.

– Иди наверх, занимайся своими делами, я сам открою.

Я пожалала плечами и пошла в свою комнату. Кот мирно спал. Я погладила его, и тут мой взгляд упал на шифоньер. Все кончено. Тишина в доме давала понять, что мой викинг не вернется. Я вытащила из проема у окна табуретку, убрала конфеты, разрядила мышеловки. Угол опустел. Дивен. Мой Хранитель. Мне стало жаль саму себя, и в такие моменты мне просто было необходимо утешение в виде шоколада. Но в комнате заначки не оказалось, и я решила спуститься в кухню.

Приглушенный разговор я слышала еще на лестнице. Уже почти спустившись, я остановилась как громом пораженная, когда слышала о чем идет речь.

– Батюшка, вы же понимаете, она еще подросток. Мы уже недели две за ней наблюдаем. Сначала она боялась дома оставаться, – голос мамы дрожал.

– Алла, успокойся, – папин голос был спокойным, но каким-то напряженным, – отец Алексей, где-то недели три или две с половиной назад она сильно заболела. Бредила долго. После этого я стал замечать, что она с кем-то говорит. Она похудела. А сегодня..., Алла, не плачь, а сегодня я обнаружил ее за шкафом. Там целое капище сотворено. И она разговаривала со стеной.

Мамины приглушенные рыдания смешались с голосом отца.

– Вполне возможно, ваша дочь под влиянием бесов, – низкий басовитый голос незнакомого мне мужчины раздался в кухне. По всей видимости, это был тот самый гость, которого я не должна была увидеть.

– Дом старый, не освященный. Душа ребенка еще не может противостоять соблазну беса, – продолжал невидимый мне священник. То, что это был священник, я не сомневалась ни минуты. Я стояла, прижавшись щекой к стене и слушала, как родители и священнослужитель составляют план по освящению дома и самое главное, по изгнанию из меня бесов. В какую-то долю секунды мне захотелось выскочить и закричать, что это все неправда. Что наш хранитель это не бес, он спас меня дважды, но чем больше я слушала священника, тем страшнее мне становилось.

– Неокрепшая душа дитя еще не видит разницы в свете и тьме. Ведь тьма может выглядеть как свет. Дьявол силен, он может умаслить, закрыть шорами глаза, залить речами уши, он может выглядеть как ангел, как спаситель, хотя на самом деле это антихрист. . . . , – я почувствовала, как меня начинает пробирать дрожь. Неужели это правда. . .

На негнущихся ногах я поднялась в свою комнату. Закрыла дверь и села на кровать. Передо мной стоял мой письменный стол, яркий, из беленого дуба. Белый пушистый ковер, Стул на колесиках, и напротив моей кровати этот огромный шифоньер. Вход куда-то в другую вселенную. Откуда выползал туман. И я призывала все это время нечистого. Я подскочила к шкафу и со всей силы ударила по древним створкам кулаком. В руке словно взорвался электрический разряд. От внезапной боли и отчаяния я заплакала. Кот потерся о мои ноги и запрыгнул на кровать. Но мое горе было так велико, что я не могла успокоиться. Слезы душили меня, и я даже не могла бы объяснить, отчего больше плачу. Или от боли в кисти руки, или от факта, что дом одержим нечистой силой.

– Женя, тебе больно?

Громко взвыл Кот. Я резко отдернула руки от лица. У шифоньера стоял он. Да, кошки чувствуют бесов. Вот почему мой Кот так реагирует на него.

– Не подходи, – прошептала я, нащупывая крестик на шее, – изыди.

В глазах Дивена отразилось удивление. Синие глаза

вспыхнули красными искрами при виде того, как я, наконец, вытащила крестик из-под футболки и выставила перед собой.

– Не подходи, изыди!!! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, уйди, – дрожа всем телом, я пятилась к окну.

– Женя, не бойся меня, – спокойным голосом сказал он, медленно подходя ко мне.

Я уперлась задом в стол. Продолжая держать перед собой крестик одной рукой, другой я нащупала на столе увесистый учебник.

–Изыди!!! Или я закричу. Внизу священник. Он обольет тебя святой водой, и ты сгоришь!!! – Тоненьким голоском пискнула я.

Дивен сделал еще шаг, я вскинула руку с учебником. Это будет первый оборотень, убитый книгой «Как подготовиться к ОГЭ. 1000 вариантов решения задач». Взмах ...сотая доля секунды...и книга оказалась в его руке. Он отбросил ее на кровать и подошел ко мне вплотную. Взял мои пальцы, вцепившиеся в крестик, и аккуратно высвободил его. Он несколько секунд смотрел на мой серебряный символ христианства. А потом просто аккуратно повесил его на футболку.

– Красивый крестик, береги его, – в его глазах переливались цвета бирюзы и небесной синевы, вспыхивали красные искры пламени и словно отражался закат.

– Ты...ты не бес? – Осипшим голосом спросила я, глядя

на него снизу вверх.

Его лицо помрачнело.

– Женя, я Хранитель – он отступил на шаг и протянул мне руку, – Пойдем со мной.

Я с удивлением смотрела на его широкую ладонь.

– Куда?

– Я покажу тебе их, – его глаза полыхали пламенем.

Господи, чем я думаю в такие минуты. Я заворуженно смотрела на него. Черный странный наряд, светлые длинные волосы, огромный рост, и эти невероятные, нечеловеческие глаза.

– Пойдем, – я вложила свою руку ему в ладонь, один шаг в сторону шифоньера. И я словно провалилась в бездну.

8. Демоны

Странное ощущение... мне заложило уши, глаза застила- ла пелена, я словно нырнула на глубину. Точно такие чув- ства я испытывала, когда папа учил меня плавать. Мне то- гда было пять или шесть лет. Меня первый раз привезли на море. Всевозможных серых оттенков пляжная галька больно колола пятки, я помню, как папа подхватил меня на руки и пошел в воду. Мои восторги от купания закончились ровно тогда, когда я выскользнула из папиных рук и с головой ушла под воду. Вода заливалась в уши, рот, глаза. Я помню тот животный ужас, который охватил мое существо и лицо папы, когда он рывком вытащил меня на берег. Мой громкий рев и мамины крики надолго остались в памяти. И сейчас я так же отчаянно хваталась за Дивена. Словно боялась утонуть в пучине неизвестности.

– Женья, ты меня слышишь? – Тихий голос набатом во- рвался в мой мозг.

Я резко открыла глаза. Шум в ушах спадал, к зрению вер- нулась четкость. Я с удивлением огляделась. Мы были на противоположной стороне улицы. У дома наших соседей.

– Мы телепортировались? – Я ошеломленно смотрела на Дивена.

Мой викинг посмотрел на меня сверху вниз и приложил палец к губам, призывая к тишине. Я придвинулась ближе

к нему и замерла. Несколько минут ничего не происходило, я почувствовала, как начинают неметь ноги, и стала переминаясь, чтобы хоть немного размять затекающие конечности.

– Дивен, а что мы должны увидеть? – Шепотом спросила я у хранителя, но вместо ответа он крепко сжал мою руку. Во двор соседей заходил хозяин дома. Он был сильно пьян и что-то бормотал себе под нос.

– Он нас сейчас заметит, – заволновалась я, но Дивен снова сжал мою руку.

– Нас никто не видит, никто из людей. И если ты будешь вести себя тихо, надеюсь, не увидят и они.

– Кто они... ой, – охнула я, так как Дивен сжал мою ладонь достаточно сильно, и я поняла, что мне нужно закрыть рот.

Сосед раскачивался и что-то искал в кармане. Он громко нецензурно выругался и тут на веранде зажегся свет. Дверь распахнулась и во двор выскочила в одном халате женщина. Кажется, это была жена соседа.

– Козел! Пьешь как свинья последняя, алкоголик несчастный! -

Завопила женщина и со всей силы залепила мужчине пощечину.

Я вздрогнула от звонкого звука оплеухи и вопросительно посмотрела на Дивена.

– Смотри, – тихо прошептал он.

Я снова посмотрела на ругающихся соседей. Вокруг них

начал клубиться туман, почти такой же, какой выполз из-под шкафа. Он то приближался, то отдалялся от соседей, и вдруг из его плотных недр стали отделяться фигуры. Они были разного размера – совсем маленькие, средние и одна, грузная и большая. Туман медленно отступил, а фигуры окружили мужчину и женщину.

– Ceciderunt!¹ – Низкий, хриплый утробный голос, словно из недр металлического бачка, раздался в ночной тишине.

– Ceciderunt!!!– Завопили маленькие фигуры, и начали дико хохотать и пританцовывать вокруг. Один развернулся вокруг своей оси, и тут я смогла рассмотреть его лицо. Вернее это было маленькое свиное рыло. Огромные острые уши, круглые горящие желтые глаза, свиной пяточок, большие клыки блестели в пасти это существа. Ртом эту страшную щель язык назвать не поворачивался. Вся морда была в черных и по всему виду, очень жестких волосах. Тело существа было тоже черным, на голове между ушей виднелись маленькие рожки. Странный цокающий звук, который издавали эти сущности, когда пританцовывали, объяснялся просто. Нижние конечности были с копытами.

– Ceciderunt! Ceciderunt! Sanguis!!!²– Низкий голос разнесся над двором.

Средние фигуры заулюлюкали и завопили.

Я не могла понять, что говорит самый большой из пришельцев, но язык мне показался очень знакомым. Те же слова повторяли визгливыми голосами маленькие существа. И тут мужчина размахнулся и ударил жену. Он бил ее снова и снова. Соседка закричала, но он схватил ее за волосы и ударил по лицу. Брызнула кровь.

¹ Бей ее (лат.)

² Бей ее, кровь (лат.)

– Lectus est!!!³ – Снова послышался хриплый голос.

Мужчина, который уже почти отошел от жертвы, подскокил к женщине и со всего размаха ударил ее в живот ногой. Потом еще и еще.

Я отвернулась. У меня не было сил видеть, как крупный, вполне здоровый мужчина бьет беззащитную женщину.

– Occidere eam!!!⁴ – Хриплый голос вновь раздался в майском сумраке.

–Occidere eam! occidere eam! occidere eam! – Заорали и завизжали окружающие. Цокот копыт, пританцовывание, улюлюканье ...сотни адских звуков наполнило вечер.

Рассмотреть как следует самого большого из существ не получалось, так как передо мной постоянно мелькали маленькие сущности, которые громко орали и завывали. Но он правил этим кровавым балом. И они хором повторяли последнюю фразу.

– Occidere eam!!! – Снова повторил большой и поднял руки. Из-под рукавов накидки при взмахе высунулись трехпалые конечности с огромными когтями.

Мужчина заметался по двору, что-то ища.

– Как ты меня достала! Сдохни, тварь, – заорал сосед и кинулся с лопатой на женщину, которая лежала уже без сознания. Он замахнулся над ее головой, но тут его осветил свет фар автомобиля, который выезжал из-за поворота. Мужчи-

³ Пинай ее (лат.)

⁴ Убей (лат.)

на, ослепленный ярким галогеном, замер на месте. Автомобиль остановился. Из него вышел мужчина.

– Петрович, ты что творишь? – Спросил он, и подойдя ближе, разглядел лежавшую в крови женщину.

– Мужики, идите сюда, – крикнул он сидящим в салоне.

Из машины вышли еще трое. Лопата выпала из рук соседа, тяжелый черенок воткнулся в землю. Он побледнел как полотно, покрылся испариной и в ужасе смотрел на женщину. Один из мужчин бросился к ней и потрогал пульс.

– Вызывай скорую, – крикнул он другому пассажиру автомобиля.

– И полицию тоже вызывай. А ты, урод, сядешь надолго, – мрачно сказал мужчина, ткнув в грудь дрожащего соседа.

Я облегченно выдохнула и краем глаза заметила, как отходит в сторону черная процессия. Вокруг за клубился туман.

– *Ut revertar*⁵, – послышался хриплый голос. Грузная фигура вошла в туман, следом последовали и остальные.

– Как страшно, – выдохнула я.

Дивен со страшной силой сжал мою руку. Одно из свиных рыл повернулось в нашу сторону. Он повел пятаком по воздуху и втянул его со свистом в себя. Желтые глаза загорелись огнем, из пасти высунулся раздвоенный язык.

– *Dominus, est anima, et custos*⁶, – визгливо крикнул он.

Грузная фигура замерла.

⁵ Мы вернемся (лат.)

⁶ Повелитель, здесь душа и хранитель (лат.)

– Anima et custos?⁷ – Владелец хриплого утробного голоса казалось, был удивлен.

– Imo, Dominus,⁸ – желтые глаза сузились, и он снова втянул носом воздух. Сущность подслеповато щурилась, и я поняла, что пока они нас не видят. Но чувствуют. Что будет, если эта адова шайка нас разглядит, мне даже думать было страшно.

Дивен сжал мою руку и сделал шаг назад. Желтоглазый демон встрепенулся. Из клыкастой щели – рта высунулся змеиный язык, и круговым движением прошелся по пяточку. Дивен снова шагнул назад.

– Dominus, est anima, et custos!!! Sunt hic!!!⁹ – Взревел демон и бросился в нашу сторону.

Одним точным движением Дивен отшвырнул демонического приспешника, схватил меня за руку и шагнул в шумящую бездну, которая открылась за его спиной. На все ушли доли секунд, но демон успел вскочить и клацнуть передо мной страшной клыкастой мордой, обдав смрадным дыханием.

– Anima¹⁰..., – хриплый вой затерялся в водовороте бездны.

⁷ Душа и хранитель? (лат.)

⁸ Да, повелитель (лат.)

⁹ Повелитель, душа и хранитель! Они здесь! (лат.)

¹⁰ Душа (лат.)

– Женя, – в ушах гудело так, словно я оказалась рядом с взлетающим самолетом. Стало невыносимо больно, я зажала уши руками и зажмурилась.

– Женя, – снова услышала я издалека зовущий голос, – Женя, открой глаза...

Я честно пыталась открыть их, чувствовала, как чьи-то руки отнимают мои ладони от ушей, но гул не спадал, не прояснялось зрение. Сердце, которое готово было выпрыгнуть из меня, стучало где-то в макушке.

– Женя, посмотри на меня, – голос Дивена ворвался в мой мозг.

Я попыталась взглянуть на него, но глаза слезились, в ушах шумело и сильно начинало тошнить.

– Дивен, не уходи, – пробормотала я, цепляясь за хранителя из последних сил, – не бросай меня...

Я с трудом помню дальнейшее. Что было вокруг. Только чувства. Обостренные чувства и ощущения давали мне картину происходящего. Он был рядом. Несколько часов или минут, я не смогу сказать точно. Но он был со мной. Когда я смогла, наконец, без боли открыть глаза, я увидела кровь на ладонях.

– Дивен, – позвала я.

Тихо. Неужели он бросил меня? Но тут я увидела горящие красные огоньки возле шифоньера. Это были глаза моего хранителя, которые пылали огнем в темноте. Если бы я увидела их месяц назад, меня бы разбил инфаркт от страха,

но сейчас я была счастлива при виде этих глаз. Огни двинулись, он подошел к кровати.

– Женья, у тебя идет кровь из уха. От высокого давления в Переходе, – он указал на мою ладонь. Я махнула рукой и посмотрела на хранителя.

Мое лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Дивен, я поняла, я все поняла. Ты не бес. Ты ангел, – моя радостная моська насмешила его.

– Нет, Женья, я не ангел. Я домовой. Всего лишь домовой. И все прошло почти гладко. Если бы ты не выдала нас..., – его лицо помрачнело.

– Что теперь будет? Что говорил тот большой? – Улыбка сошла с моего лица.

– Он отдавал приказы пьяному соседу. Сначала бить женщину, потом он захотел крови, потом приказал бить ногой, а напоследок убить ее.

– О Боже, – прошептала я, – но ведь был автомобиль? Это ты устроил его приезд?

Дивен долго смотрел на меня. В темноте его глаза горели красными угольками, то вспыхивая голубым, то зеленым светом.

– Нет, Женья. Я ничего не делал. Это счастливая случайность. Женщине просто повезло.

– Не ты? – Я в ступоре смотрела на хранителя, – значит, он мог убить ее при нас, а мы бы просто смотрели? – Вскрикнула я.

– Да. Мы бы просто смотрели.

Я в негодовании вскочила.

– Но ведь это неправильно. Я думала все под контролем. И ты не дашь ее убить... Дивен! Как же так..., – я была шокирована.

– Женя, – Дивен встал, – Я не имею права вмешиваться. Я хранитель. Я могу защитить тебя, и твою семью. И только в стенах этого дома. Они пытались проникнуть сюда неоднократно. И здесь я буду биться за вас до последнего. Но там, – он указал на улицу, – это нарушение для меня всех законов. Я хотел показать тебе, какие они. Это были демоны, и мелкие бесы. И люди зачастую сами позволяют демонам повелевать ими. Ты это видела. Тебе пока ничто не угрожает, но демон видел нас. Он так и сказал «Хозяин, здесь душа и хранитель». Пока не бойся, но будь очень осторожна. Вполне возможно, они попытаются достать тебя через других людей.

Я почувствовала, как меня берет озноб. Я подошла вплотную к хранителю.

– Дивен, ты не бросишь меня? – Я подняла голову и встретила с ним глазами.

– Нет, Женя, я всегда рядом. А теперь буду следить за тобой постоянно, – он улыбнулся. Боже, какой красивый у нас домовый. Как ему идет борода и эти волосы.

– Дивен, сколько тебе лет? – Я прикусила язык, когда увидела, как у него удивленно выгибается бровь.

– Зачем тебе знать мой возраст? – Его улыбка стала хит-

рой.

Я почувствовала, как краснею.

– Просто интересно, – пробормотала я.

– Если перевести на годы жизни людей, то мне двадцать пять, – он снова улыбнулся. И почему меня не пугают эти красные глаза.

– А мне шестнадцать лет. В ноябре будет семнадцать, – зачем-то сообщила я.

– Я знаю, – тихо ответил хранитель, – ложись спать, Женя.

И тут я совершила еще одну ошибку. Я порывисто обняла Дивена, встала на цыпочки и звонко чмокнула его в щеку. Красные глаза вспыхнули таким светом, что мне показалось – осветили половину моей комнаты.

– Ложись спать, – повторил он и шагнул в проем у окна.

9. Освящение

Утро добрым не бывает. Это я поняла, как только спустилась вниз. Папа сидел мрачнее тучи. Мама капала валерьянку и качала головой.

– Доброе утро, – приветствовала я родителей и торопливо налила чаю. Я безбожно проспала и страшно опаздывала в школу.

– Сегодня соседка попала в реанимацию. Помнишь Ивановых? Живут на другой стороне улицы? – Сказала мама.

От неожиданности я пролила кипяток. В реанимацию? Неужели все так плохо.

– А что случилось? – Я снова налила чай.

– Муж избил. Он в полиции сейчас. Как не убил еще, – мама намазала мне бутерброд.

– Женя, не ходи вечерами никуда, – мрачно сказал папа, – этого козла скорее всего выпустят под подписку о невыезде. Да что ж такое! – Отец стукнул кулаком по столу. Я вздрогнула.

– Миша, успокойся, – мама поставила перед ним стакан с лекарством.

– Да как успокоится? Мне Михалыч позвонил, ведь это он его остановил с мужиками. Теперь эта тварь в полиции сидит ревет, говорит не знает что на него нашло. А где гарантия, что он не нападет еще на кого-нибудь? Кстати, сегодня

придет..., – отец осекся. Краем глаза я заметила, как мама торопливо приложила к губам палец.

– Женечка, мы решили дом освятить, сразу надо было, но все никак..., – мама замялась, – а сейчас, перед Троицей вот думаем...

Я допила чай и улыбнулась.

– Конечно. Это отличная идея.

– А... когда ты придешь со школы? – Осторожно спросила мама.

Неприятное чувство закралось мне в душу.

– Не знаю, у нас еще консультация. Потом репетиция выступления.... Так вы и без меня можете. В комнате приборано. Священника можно звать без опаски, – я широко улыбалась родителям.

Мама с отцом переглянулись.

– Ну..., отец Алексей хотел бы, чтобы мы все были дома, – начала мама.

– Маааам, ну мам, ну я не знаю когда, честно. Я позвоню тебе, – заунывным голосом затянула я. В конце концов, мама отмахнулась от меня и я, взяв рюкзак, чмокнула родителей и выбежала из дома.

Я почти бегом дошла до остановки, заскочила в автобус, села и погрузилась в мрачные мысли.

Ну как же так. Весь этот спектакль по освящению дома только ради того, чтобы выгнать из меня бесов. Эх, мама Если бы ты только знала, какие они. На что они способны.

Какой силой обладают эти сущности. Я тяжело вздохнула. Утро явно не задалось.

День прошел почти без эксцессов. Ритка затащила меня к себе в гости, чтобы продемонстрировать платье.

– Как тебе? – Шикарное красное платье, с кружевными вставками облегалo округлую фигуру Ритки, как вторая кожа.

– Супер, – восхищенно ответила я, – Денис выпадет в осадок.

– Для выпадения в осадок у меня кое-что другое есть, – подмигнула подруга и вытащила из шкафа маленький пакет. Она бережно разложила на кровати нежно-розовый кружевной комплект нижнего белья и такого же оттенка подвязку на ногу.

Я вытаращила глаза

– Ты это наденешь на выпускной?

– Да, а Денис с меня снимет, – Ритка закусилa губу и залилась краской.

– Рита, не дури, – мрачно сказала я.

– Жень, ну не будь ты занудой, – отмахнулась подруга, – мы любим друг друга, и он хочет...

– А ты? Ты этого хочешь, – спросила я.

– Ну, ...мне бы хотелось подождать еще..., вообще я мечтала о первой ночи после свадьбы. Но он сказал, что мы можем не подойти друг другу, и надо проверить совместимость, – торопливо добавила она.

– Рита, это его желание, а не твое, – мой тяжелый взгляд не понравился подруге.

– Женя, это просто у тебя нет парня. Тебе легко говорить, ты не влюблена и не загораешься рядом с ним, как бенгальский огонь. Женя, что с тобой? – Ритка изумленно смотрела на меня.

Я почувствовала, как мои уши, щеки, следом и шея заливаются огненным румянцем.

– Женяаааа, я чего-то не знаю? – Взвизгнула Ритка.

– Все ты знаешь, – я нервно схватила Риткины розовые стринги и принялась ими обмахиваться.

– Кто он? – Ее глаза заблестели, – говори.

Она шутливо пихнула меня в бок, потом еще раз и повалила меня на кровать.

– Говори, кто он, – Ритка замахнулась на меня подушкой.

Я расхохоталась.

– Никто, Рита, перестаааань, – я завизжала, так как моя подруга, зная о моей фобии щекотки, начала меня тыкать тонким наманикюренным пальцем в бок.

– Не молчиииии, скажи мне хоть паруууууу слооооов, – запела Ритка, продолжая тыкать меня.

От смеха я начала икать, обмякла на кровати и буквально стекла на пол под Риткины вопли.

– Кто? – Ритка вспотела за время нашей борьбы, ее волосы прилипли ко лбу. Тоже самое было и со мной. Я пыталась дунуть ртом на челку, чтобы пряди не лезли в глаза. Но от

икоты получались странные звуки наподобие «тпру».

– Да никого у меня нет, – я снова громко икнула, – ты узнаешь первая. И вообще мне надо домой. Еще ехать сорок минут.

Ритка разочарованно состроила мне рожицу. По ее лицу я поняла, что подруга мне не поверила. Мы попрощались. Ритка сделала жест двумя пальцами к глазам «я за тобой слежу». Я показала ей язык. Мы снова рассмеялись.

У дома стояла незнакомая машина.

– Где ты шатаешься? – Накинулась с порога мама, – мы тебя ждем!!!

В кухне сидел худощавый мужчина в рясе.

– Добрый вечер, Евгения, – я сразу узнала его низкий голос.

Он кивнул маме.

– Садись, садись скорее, – нервничала мама, – потом поговорим, сколько можно было шлаться.

Я удивленно смотрела на нее. Никогда еще я не видела ее такой раздраженной.

– Оставьте нас ненадолго, – попросил священник.

Родители вышли из кухни. Я в упор посмотрела на него.

– Евгения, меня зовут батюшка Алексей. Дочь моя, как ты себя чувствуешь?

– Замечательно, – я широко улыбнулась, – вы собираетесь освятить дом?

– Да, Евгения. Скажи мне, дитя мое, как ты спишь в но-

вом доме, какие сны тебе снятся? – Вкрадчивый голос священника почему-то был неприятен мне.

– Ой, вы знаете, сначала было непривычно, и даже страшно..., – начала я

– Страшно? И что же тебя пугало? – Прервал меня он.

– Страшно представить, что этот большой новый дом наш, и у меня теперь есть моя комната. Моя! Личная, – я снова широко улыбнулась. Священник нахмурил седые брови.

– А было ли тебе здесь страшно по-настоящему? – снова спросил он.

– Не-а, – я надула пузырь из жвачки, которую беспрестанно жевала. Пузырь лопнул с громким звуком. Священник стал еще мрачнее.

– А не слышала ли ты голоса? Может кого-то видела? – Он осторожно продолжил нащупывать почву.

– Вы о чем? Какие голоса. Я ведь не шизофреник какой, – я выпучила глаза и принялась еще громче чавкать жевательной резинкой.

– Ну, а для кого ты, дитя мое, сотворила алтарь? – Он перешел к тяжелой артиллерии, – с кем ты разговариваешь?

– С Котом. А за шкафом был не алтарь, а гнездо шалавки. Это игра такая в интернете. Мы с друзьями играем, – я снова надула огромный пузырь. Для пущего эффекта я откинулась на спинку стула и принялась раскачиваться на нем.

– Шалавки? – Сбитый с толку священник мрачно смотрел на меня.

– Ой, блиииииин, – я закатила глаза и снова надула пузырь, – ну как вам объяснить... я делаю гнездо у себя, моя подруга у себя, еще пара таких гнезд у других ребят. Мы фоткаем это, выкладываем в беседе, там потом ищем похожие детали, у кого больше отличий, тот и выигрывает. И так до победного. Я почти выиграла. Папа спалил меня, – заговорщицким тоном прошептала я и снова надула пузырь. Мозг работал, как никогда. Я нагородила несусветную чушь священнику. Мне, конечно, было стыдно. Но другого выхода у меня не было.

– А зачем вы у меня это все спрашиваете, – стул подо мной опасно накренился. Я схватилась за край стола.

– Просто хотел с тобой побеседовать, – улыбнулся святой отец, – иди, дитя мое. Я проведу обряд освящения дома. А ты ступай с Богом.

Я слезла со стула, подхватила рюкзак и снова надула пузырь.

– Ладно, до свидания, – широкая улыбка осветила мое лицо.

Я уже поднималась по лестнице, когда услышала, как священник успокаивает моих родителей.

– Она обычный ребенок. Как и все ее поколение, зависимый от интернета, от игр, но она не одержима. Хотя, Алла Сергеевна, не помешало бы ей растолковать о правилах приличия. А то эта ужасная жвачка... – дальше понеслись нравоучительные речи, и я поскорее ускакала в свою комнату.

Я кинула рюкзак на кровать.

– Игра шалавки – это что-то новое, – низкий голос заставил вздрогнуть.

У шифоньера стоял Дивен, скрестив руки на груди. Его ярко-синие глаза блестели, он широко улыбался.

– Ох, ты меня напугал, – я схватилась за сердце.

– Так что за алтарь был? – Хитрая улыбка снова озарила его лицо.

– Это не алтарь был. Ты прекрасно знаешь, – буркнула я.

– А что тогда? – Вкрадчиво спросил хранитель.

Я подняла голову и мрачно посмотрела на него. Ярко-синие глаза, без отсветов красных искр, были невероятно красивы. Аккуратная борода украшала и подчеркивала его мужественность, длинные светлые волосы тяжелой гривой спадали на плечи.

– Пыталась поймать тебя, – ответила я, и почувствовала, как жгучий румянец заливает все мое лицо, уши, шею и даже грудь.

– Женя, это была плохая идея, – выгнув бровь, заметил он.

– Ну почему же. Конфеты ведь исчезли! – Гордо сообщила я, победоносно взглянув на Дивена.

Его лицо вытянулось от удивления.

– Это исключено. Сюда могу зайти только я, – категоричным тоном ответил он, – хотя...

Я выжидающе смотрела на него.

– Это дети, – улыбнулся он, – скорее всего один из детей.

– Твоих? – Я готова была провалиться сквозь землю от его взгляда. Нервно теребя футболку, я прикусила губу и посмотрела на Дивена. И тут в дверь громко постучали.

– Женя, ты одета? – Зычный голос отца послышался из-за дверей.

Округлившимися от страха глазами я смотрела на хранителя. Господи, ведь идет обряд освящения дома, а я снова разговариваю с хранителем.

– Паааап, подожди! – Громко крикнула я, – прячься!

Дивен удивленно смотрел на меня.

– Зачем?

– Прячься, тебе говорят, сейчас зайдет священник, начнет брызгать святой водой!! – От нетерпения я даже начала пританцовывать.

– Я тут постою, – широкая улыбка озарила лицо нашего домового, – он меня все равно не увидит.

До чего вредный попался хранитель. Я еще подождала пару секунд, папа снова забарабанил, а Дивен с улыбкой показал на дверь.

– Входите! – Хотела крикнуть я, но на нервной почве получился какой-то петушиный вопль.

В комнату зашел священник. Он с молитвами обошел всю комнату, помахал кадиллом, обрызгал святой водой все вокруг. Дивен продолжал стоять, опираясь на шифоньер. Несколько раз вода попадала на него, и каждый раз я внутренне сжималась, ожидая увидеть, как на коже моего викин-

га образуются тлеющие язвы, как начинает идти дым, и Дивен, корчась в судорогах, сторает в пепел. Но ничего подобного не происходило. Он спокойно смахивал с себя капли и продолжал наблюдать за священником.

– Во имя Господа нашего, Аминь! – Громогласный голос святого отца разнесся по всему второму этажу. Он размашисто перекрестился три раза. И к моему величайшему изумлению, тоже самое совершил и хранитель. Папа поцеловал меня, отец Алексей еще раз перекрестил комнату и маленькая процессия вышла из моей спальни. Я продолжала пялиться на хранителя.

– Ты перекрестился? – Мой голос сорвался на фальцет.

– Да, а что? – Улыбнулся он.

– Ну, ...ты же ...домовой, ты разве веришь в нашего Бога? – Глупее вопроса наверно ему никто не задавал.

Дивен вздохнул и подошел ко мне. Он взял мои руки в свои ладони.

– Женя, я точно так же, как и ты, живу в этом мире. Но он не трехмерный, каким видят его люди. Он гораздо...гораздо сложнее. Бог ...он есть. Как есть и те, кого ты видела. Ты чувствуешь мои прикосновения? – Он погладил тыльную сторону моей ладони большим пальцем.

– Чувствую, я чувствовала тебя, когда еще не видела. Когда ты не дал упасть мне с крыши, когда снял мне температуру. И я видела тебя в обличье медведя. Ведь это все были ты? – Зачем то спросила я, хотя знала ответ.

Дивен кивнул.

– Ты не холодный, – его руки были теплыми как у меня, – Можно мне тебя обнять? – Ох ты, хренова редиска, зачем я это ляпнула? Мои щеки опять вспыхнули. В глазах хранителя зажглись красные огоньки.

– Не надо, Женя, – он отступил от меня на шаг и выпустил мои руки из своих широких ладоней. Я быстро закивала в знак согласия с ним, но на глаза почему-то навернулись слезы. Даже домовой не хочет меня обнять, что уж говорить о каком-то там успехе у мальчишек.

– Я могу не рассчитывать силу, – тихо сказал он, – и нанести тебе серьезный вред. Я должен держать дистанцию.

– Я все понимаю, – я снова кивнула, не поднимая головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.